

Записки барона Веліо.

Записки барона Іосифа Іосифовича Веліо, написанныя имъ на французскомъ языкѣ лѣвой рукой, въ бытность его комендантомъ Царскаго Села въ 1862 году и переведенныя его дочерью Эрминіей Іосифовной Лишиной, доставлены въ редакцію, которая предполагаетъ напечатать извлеченія изъ этихъ записокъ. Въ 1821 году баронъ Веліо, будучи офицеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, былъ командированъ въ Португалію. *Ред.*

Съ 1821 года Цинтра сдѣлалась резиденціею Португальскаго двора и придворныхъ лицъ.

Еще нѣсколько дней я провелъ Лиссабонѣ у г. Мендаза Эскарлотта, затѣмъ, узнавъ отъ нашего уполномоченнаго г. Бореля, что депеши для меня готовы для доставленія въ Лондонъ, я выѣхалъ изъ Лиссабона 17 февраля 1821 г. на томъ же кораблѣ, на которомъ пріѣхалъ. Въ это плаваніе погода благоприятствовала намъ, и мы прибыли въ Фалмутъ 26 февраля.

Въ дилижансѣ King's Mail я доѣхалъ до Лондона, куда прибылъ 1 марта въ 6 час. утра. Мое пребываніе въ Лондонѣ продолжилось до 6 апрѣля, тогда я выѣхалъ въ Парижъ.

Я такъ долго остался въ Лондонѣ, благодаря любезному вниманію ко мнѣ нашего посланника князя Ливена. Онъ посоветовалъ мнѣ воспользоваться случаемъ ближе ознакомиться съ Лондономъ, тѣмъ болѣе, что ему достовѣрно было извѣстно, что походъ нашихъ войскъ въ Италію на помощь австрійцамъ не состоится.

8 апрѣля, я прибылъ въ Парижъ и былъ принятъ такъ же любезно, какъ и въ первый разъ нашимъ посланникомъ Поццо-ди-Борго. Но такъ какъ я торопился домой, онъ меня не

задерживалъ и вручилъ мнѣ очень важныя депеши въ Лайбахъ, куда я прибылъ 18 апрѣля. Путь этотъ представляетъ много опасностей для курьера при быстротѣ ѣзды, ибо приходится перебираться черезъ Альпы; особенно опасенъ перегонъ изъ Уинтертауера въ Радштатъ. Благодаря Бога, я доѣхалъ благополучно и тотчасъ вручилъ свои бумаги графу Нессельроде, который остался очень доволенъ моею исполнительностью. Мнѣ отвели хорошую квартиру, гдѣ я могъ, наконецъ, отдохнуть; быстрая ѣзда курьеромъ утомила меня, а главная бѣда была въ томъ, что я ужасно страдалъ гемороємъ и только благодаря лѣченію доктора Вейли и его ассистента Тарасова, которымъ меня поручилъ самъ Государь Александръ I, я настолько поправился, что могъ представиться Его Величеству. Въ этотъ день дежурилъ генераль-адъютантъ Уваровъ и доложилъ обо мнѣ Государю.

Милостивое и благосклонное обращеніе Государя было всѣмъ извѣстно, но что онъ удостоилъ меня, молодого офицера, такого ласковаго пріема, привело меня въ умиленіе и никогда мною не забудется. Его Величество освѣдомился о моемъ здоровьи, посоветовалъ мнѣ лѣчиться и развлекаться, чтобы внолнѣ отдохнуть съ дороги. Потомъ Государь подробно разспросилъ меня обо всемъ, что я видѣлъ, особенно въ Англіи, и я рассказалъ ему о той поразившей меня массѣ оружія, которую тамъ видѣлъ, и что въ одномъ Тауерѣ сложено оружія на 500 тыс. чел. Тутъ, я позволилъ себѣ высказать предположеніе, что несмотря на мирныя сношенія наши съ Англією, мы не слишкомъ-то можемъ имъ довѣряться. На это Государь сказалъ мнѣ, что я правъ и что мы хорошо знаемъ имъ цѣну. Послѣ этого Его Величество удостоилъ меня разспросами о моемъ пребываніи въ Португаліи. Здѣсь у мѣста объяснить, что когда я собирался въ Португалію, Его Величество сдѣлалъ распоряженіе, чтобы меня отправили сначала въ Лондонъ, ибо въ Петербургѣ уже было извѣстно, что въ Испаніи вспыхнуло возстаніе и что тамъ уже провозгласили конституцію. Когда я выѣхалъ изъ Варшавы, я встрѣтился съ графомъ Валентиномъ Строгановымъ, ѣхавшимъ курьеромъ изъ Мадрида и везшимъ извѣстіе, что и въ Португаліи неспокойно. Если бы это извѣстіе поспѣло до моего отъѣзда, вѣроятно, меня бы не отпустили туда.

Послѣ довольно продолжительной аудіенціи Государь добавилъ:

— Я надѣюсь, что несмотря на все, что ты тамъ видѣлъ,

ты вернулся съ тѣми же чувствами вѣрнопогоданнаго, котораго я въ тебѣ привыкъ видѣть.

На это я отвѣтилъ:

— Государь, Вы осыпали меня и мою семью такими милостями, что мои вѣрнопогоданническія чувства и безграничная преданность Вашему Величеству неизмѣнны и безпредѣльны.

Государь хлопнулъ меня по плечу и сказалъ:

— Будь покоенъ, я знаю все твое поведеніе тамъ, и я вполне тобой доволенъ.

Послѣ этихъ словъ онъ милостиво отпустилъ меня, и я былъ такъ тронутъ его благосклонностью, что готовъ былъ припасть къ его стопамъ.

Я остался въ Лайбахѣ около 4-хъ недѣль; мнѣ было очень весело—каждый день былъ маршальскій столъ въ покояхъ Государя, и наше общество часто предпринимало поѣздки по окрестностямъ — между прочимъ, цѣлое общество отправилось однажды по Триестской дорогѣ въ гротъ Адлерсбергъ, въ томъ числѣ и я.

Тутъ были: князь Петръ Волхонскій, графъ Нессельроде, генералъ Шубертъ, гг. Бруновы, г. Камиль Либенскій и друг. Такъ какъ насъ ожидали, то австрійцы распорядились иллюминировать гротъ и поставить тамъ хоръ музыкантовъ. Это было великолѣпное зрѣлище: громадныя своды изъ сталактита, рѣка, протекающая подъ этими сводами и образующая мѣстами озера — все это описано во многихъ сочиненіяхъ и путевыхъ запискахъ. Намъ былъ поданъ прекрасный завтракъ, которымъ угостилъ насъ князь Волхонскій, а къ обѣду мы вернулись въ Лайбахъ. Пасху мы праздновали въ Лайбахѣ, церковная служба происходила въ Государевой походной церкви, и такъ какъ мѣстное населеніе состояло изъ кроатовъ, исповѣдующихъ православіе, они наполняли церковь и по своему обычаю молились громко — это жужжаніе, однако, не мѣшало молиться Государю.

Въ концѣ мая графъ Нессельроде отправилъ меня курьеромъ въ Петербургъ. Когда я откланивался Его Величеству, онъ былъ такъ благосклонно добръ сказать мнѣ, что въ виду того, что политическія дѣла устриваются и склоняются къ миру, наши войска скоро получаютъ распоряженіе возвратиться въ Россію, и потому я могу оставаться въ Петербургѣ, „но“, добавилъ Государь, „если бы война снова предстояла намъ, я бы вытребовалъ тебя въ полкъ“.

Его Величество поручилъ мнѣ лично письма къ обѣимъ

Императрицамъ и вручилъ мнѣ письмо къ моей матери, въ которомъ онъ милостиво меня хвалитъ. Письмо это я берегу какъ святыню и желаю, чтобы оно послѣ моей смерти перешло къ моему старшему сыну ¹⁾).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я передалъ свои депеши въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и на другой день отправился въ Царское Село, чтобы передать письмо Государя Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ея Императорское Величество со- благоволила принять меня въ саду подъ колоннадой и, милостивый пріемъ ея не изгладится изъ моей памяти.

Затѣмъ, я отправился въ Павловскъ для передачи письма Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея Величество удостоила меня также милостивымъ пріемомъ и много расспрашивала о своемъ Августѣйшемъ сынѣ.

Надо замѣтить, что рѣдко можно встрѣтить коронованную семью, столь милостиво и благосклонно относящуюся къ молодымъ офицерамъ, которые по своему служебному положенію имѣютъ счастье и случай быть лично извѣстными царствующему дому. На обязанности этой молодежи лежитъ священный долгъ заслужить столь милостивое вниманіе, но изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что Государь Александръ Павловичъ имѣлъ случай видѣть много неблагодарности и зла.

Передъ аудіенціею Государыни, я зашелъ на нѣсколько минутъ къ моей матери, которая жила въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и засталъ ее и сестеръ моихъ въ добромъ здравіи. Возобновилась моя служба въ 7-мъ эскадронѣ конной гвардіи. Вдругъ получился приказъ, чтобы половина 7-го эскадрона конной гвардіи и половина 7-го эскадрона кавалергардовъ выступили въ Павловскъ для занятія карауловъ во дворцѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Благодаря добротѣ Императрицы-Матери, мы прекрасно проводили время въ Павловскѣ; почти каждый вечеръ мы были приглашаемы во дворецъ, гдѣ танцовали, играли въ *petits jeux*, не стѣсняясь присутствіемъ Императрицы. Она была весьма милостива къ молодежи, любила видѣть вокругъ себя веселое оживленіе, и не разъ я слышалъ ея веселый смѣхъ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна сіяла своей красотой и танцевала съ необыкновенной граціозностью. Ея стройный станъ приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Она словно скользила по паркету — всѣ любовались ею.

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. — Сохранилось ли это письмо въ семьѣ Велю, мнѣ не извѣстно.

Когда Императрица-мать переѣхала въ Гатчину, мы послѣдовали за нею и тамъ въ арсеналѣ наши веселые вечера продолжались. Великіе князья Михайлъ Павловичъ и Николай Павловичъ вернулись изъ арміи и поселились у своей августѣйшей матери, и насъ, молодыхъ офицеровъ, достаивали приглашать на охоты въ Гатчинскомъ паркѣ и въ окрестностяхъ Гатчины. Въ концѣ октября дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, а мы, какъ старшему офицеру въ эскадронѣ послѣ Жадовскаго, который командовалъ всѣмъ нашимъ отрядомъ, предстояло привести своихъ кирасиръ обратно въ Петербургъ. Несмотря на грязь и ненастье, мы дошли къ ночи въ Кузьмино, а оттуда, выступивъ рано утромъ, пришли въ казармы часа въ 4 дня къ удивленію моихъ товарищей, которые не хотѣли вѣрить, что тяжелые кирасиры могутъ быть хорошими пѣхотинцами.

Часть нашихъ офицеровъ уѣхала въ отпускъ и насъ осталось въ эскадронѣ только пять, а такъ какъ приходилось занимать караулъ въ Зимнемъ дворцѣ у Имп. Маріи Феодоровны и изъ числа пяти нерѣдко одинъ офицеръ былъ боленъ, то намъ приходилось дежурить на четвертый и даже на третій день. Наша кирасирская форма съ ея лосинами, ботфортами, очень мучительна; мы къ вечеру часто изнемогали и рады были вздохнуть свободно въ *трубной*, гдѣ солдаты обѣдали и воздухъ былъ далеко не удовлетворительный, но все же можно было нѣсколько отдохнуть. Часто потомъ я подсмѣивался надъ молодыми кирасирами, которые жаловались на тяжесть службы, когда очередь ихъ наступала только разъ въ мѣсяць. Государь Александръ I, проходя мимо караульной комнаты по пути къ апартаментамъ августѣйшей матери, всегда останавливался и милостиво разговаривалъ со мной, освѣдомляясь о здоровьи моей матери и сестеръ и поручая передать имъ свои привѣтствія.

Это милостивое вниманіе все больше привязывало меня къ моему августѣйшему покровителю, и я мечталъ о томъ, чтобы представился случай доказать ему мою преданность. Александръ I любилъ ходить пѣшкомъ, и любимая его прогулка была вдоль набережной и по Фонтанкѣ. Конечно, петербургская публика и особенно дамы высшаго общества избрали цѣлью своихъ прогулокъ эти мѣста, въ надеждѣ встрѣтить Государя, обожаемаго всѣми сословіями.

Военные также старались попадаться на глаза Государя. Я хотя и очень занятъ былъ выѣздкою молодыхъ лошадей эскадрона, тоже прогуливался по набережной, чтобы встрѣчать моего

кумира и слышать отъ него нѣсколько милостивыхъ словъ, что мнѣ и удавалось довольно часто. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ въ 1823 году между Синимъ и Краснымъ мостомъ по набережной Мойки противъ дома военнаго губернатора, Государь меня остановилъ и произнесъ слѣдующія слова, которыя я никогда не забуду.

— „Ну, что, мой вѣчный ротмистръ, когда же я увижу тебя передъ фронтомъ?“ (я командовалъ 7-мъ эскадрономъ, т.-е. резервнымъ и потому мнѣ на парадахъ быть не полагалось, а наименованіе вѣчнаго ротмистра вѣроятно относилось къ тому, что мои товарищи были уже полковниками).

Я отвѣтилъ Государю, что команду резервнымъ эскадрономъ.

— „Знаю“, сказалъ Государь, но пора тебѣ быть во фронтѣ.

На это я осмѣлился сказать Государю, что у меня было намереніе проситься въ армію.

Государь съ удивленіемъ выслушалъ меня и спросилъ, какая тому можетъ быть причина?

— Ваше Величество, сказалъ я—я имѣлъ несчастье въ короткое время потерять двухъ прекрасныхъ лошадей, а теперь предполагаютъ измѣнить цвѣтъ лошадей и у меня средствъ нѣтъ обзавестись лошадьми, а я бы не желалъ обременять мать такимъ расходомъ.

Государь на это милостиво похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— „Это не причина переходить въ армію“.

Затѣмъ онъ милостиво поклонился мнѣ и продолжалъ свою прогулку.

Я вернулся домой удрученный и тревожный, боясь, не прогнѣвалъ ли я своего благодѣтеля своимъ заявленіемъ и не нарушилъ ли я дисциплину такимъ смѣлымъ разговоромъ съ монархомъ, котораго я боготворилъ.

Каково было мое удивленіе, когда на другой день я получилъ отъ имени Государя 10,000 р. ассигнаціями на покупку лошадей.—Болѣе 35 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и теперь, когда я пишу эти строки, воспоминаніе объ этой, ничѣмъ незаслужной милости, глубоко трогаетъ меня! Получивъ эти деньги, я тотчасъ навелъ справки о лошадяхъ, которыя продавались; осмотрѣвъ нѣсколько, выборъ мой палъ на лошадь кавалергардскаго полковника Башмакова, и я приобрѣлъ ее за 7,000 р. ассигнаціями, это была рослая и красивая кобыла англійской крови и прекрасно выѣзженная. Остатокъ денегъ пошелъ на уплату

моихъ долговъ, и я повеселѣлъ и подбодрился духомъ, видя, что все, что мнѣ нужно, теперь у меня есть.

Чтобы доказать Государю, что его щедроты мною высоко цѣнятся, я просилъ командира полка назначать меня на парады и смотры; что онъ и исполнилъ, и я со своей прекрасной лошадейю обыкновенно находился въ замыкающемъ строю.

Годы 1823 и 1824 ничего особенно замѣчательнаго не принесли съ собой для меня лично. Только наводненіе Петербурга въ концѣ 1824 заслуживаетъ того, чтобы о немъ здѣсь упомянуть. Въ этотъ день, а именно 8 ноября 1824 года, я былъ дежурнымъ по полку. Утромъ между 8 и 9 ч. мнѣ доложили, что вода показалась на дворѣ казармы около караульнаго помѣщенія. Я тотчасъ туда пошелъ и приказалъ перенести полковой ящикъ на одну изъ галлерей казармъ и снялъ всѣ посты—изъ коихъ двое около цейхгауза уже стояли въ водѣ выше щиколодки—цейхгаузъ этотъ былъ рядомъ съ морской казармой, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ церковь полка. Распорядившись такимъ образомъ, я велѣлъ запрячь дрожки, чтобы ѣхать въ Зимній дворецъ съ докладомъ къ графу Орлову, предполагая, что найду его тамъ, и чтобы получить отъ него приказаніе относительно полковыхъ лошадей. Графа Орлова я однако не нашелъ въ дворцѣ, но встрѣтилъ коменданта генерала Башуцкаго, который совѣтовалъ мнѣ не теряя времени возвратиться въ казармы, ибо, говорилъ онъ, скоро нельзя вамъ уже будетъ туда добраться.

Вода поднималась такъ быстро, что когда я сѣлъ въ дрожки, то уже сидѣлъ въ водѣ, и мои добрыя маленькія шведки съ большимъ трудомъ добрались до моего подѣзда. Пока мы ѣхали или почти плыли отъ дворца до казармъ, буря унесла шляпу моего кучера—и мы были оба рады, что такъ дешево отдѣлались.

Я приказалъ отвести моихъ лошадей въ манежъ—доступъ къ двору казармъ былъ уже мнѣ невозможенъ, и я не могъ добраться до графа Орлова, который успѣлъ вернуться въ это время въ казармы и отдалъ приказъ всѣхъ лошадей вывести въ манежъ, *хотя бы вплавь*, какъ табуны!

Полъ въ конюшняхъ въ нѣкоторыхъ стойлахъ поднялся отъ напора воды, и нѣсколько лошадей запутались въ недоузкахъ, нѣкоторыя попали ногами въ щели досокъ и не могли быть спасены.

Полковникъ Егоръ Мейндорфъ, командиръ I эскадрона, жилъ надо мной и сошелъ ко мнѣ, чтобы посоветоваться, и мы вмѣстѣ

пошли въ помещеніе трубачей, окна котораго находились противъ воротъ манежа. Было уже около 12, а люди еще не обѣдали—мы догадались снять доски съ двухъ столовъ, связать ихъ въ видѣ плота и спустить этотъ плотъ изъ окошка, а на немъ помѣстили щи, кашу, хлѣбъ и переправили этотъ плавучій столъ въ манежъ, гдѣ измокшіе и прозябшіе люди были ему очень рады. Но вскорѣ отъ массы лошадей въ манежѣ накопился такой паръ, что пришлось разбить окна, и послѣ холодной ванны солдаты приняли паровую ванну. Можетъ быть это было причиной, что больныхъ у насъ не было послѣ всего этого. Прочіе эскадроны тоже воспользовались нашимъ плотомъ, такъ что всѣ люди полка были накормлены. Около 3-хъ часовъ вода стала убывать—мы въ этомъ убѣдились изъ нашихъ оконъ, видя, что фонарные столбы на бульварѣ показали свои верхушки. Они были совсѣмъ покрыты водой, и появленіе верхушекъ насъ очень обрадовало—вода однако въ манежъ не проникла, хотя подходила къ низу воротъ.

Какъ только я увидѣлъ возможность пробраться ко двору казармъ, я велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь трубача и поѣхалъ къ графу Орлову.

Графъ разспросилъ меня о состояніи лошадей, о числѣ погибшихъ, которыхъ было всего около 80.

— Вамъ надо рапортовать обо всемъ этомъ дежурному генералу Дибичу, котораго застанете вѣроятно во дворцѣ, сказалъ мнѣ графъ Орловъ.

Пріѣхавъ во дворецъ, я велѣлъ доложить о себѣ барону Дибичу, но когда камердинеръ вошелъ въ кабинетъ Государя и назвалъ мою фамилію, Государь приказалъ позвать меня въ кабинетъ. Когда я вошелъ и сдѣлалъ свой низкій поклонъ государю, затѣмъ Дибичу, Государь приказалъ мнѣ рапортовать обо всемъ барону Дибичу. Когда я доложилъ о числѣ погибшихъ лошадей, Государь сказалъ:

— Передай графу, что потеря лошадей поправима, но чтобы онъ обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ несчастныхъ людей, которые жили въ подвалахъ, вотъ они сильно пострадали и имъ надо помочь.

Эти слова замѣчательны въ устахъ монарха и служатъ новымъ доказательствомъ безконечной доброты Государя.

Было уже около 5-ти часовъ, когда я вышелъ изъ дворца—воды уже почти не было на улицахъ. Передавъ графу Орлову слова Государя, я отправился домой и былъ весьма доволенъ

согрѣться чаемъ, послѣ того какъ три раза былъ промоченъ насквозь.

Во все время, что продолжалось наводненіе, Императоръ Александръ I сильно волновался и послалъ графа Бенкендорфа на шлюпкѣ на Неву, чтобы спасти сколько возможно людей, находящихся на баркахъ, унесенныхъ водою. Но буря была такъ сильна, и волны такъ бушевали, что графъ самъ рисковалъ жизнью и вернулся, не успѣвъ ничего сдѣлать. Это страшное наводненіе произвело сильное впечатлѣніе на Государя, и расположеніе духа сдѣлалось у него съ тѣхъ поръ мрачнымъ. Онъ говорилъ, что это предсказываетъ ему конецъ и что онъ недолго проживетъ.

Въ годъ его рожденія въ 1777 г. также было въ Петербургѣ наводненіе, но вода не достигла тогда той высоты, какъ въ 1824 году. Въ низкихъ мѣстахъ, какъ въ Коломнѣ и даже у Поцѣлуева моста, вода стояла на сажень и даже на 4 аршина.

Денежныя пособія, розданныя Государемъ бѣднѣйшимъ и сильно пострадавшимъ жителямъ, были весьма значительны, и онъ на своихъ прогулкахъ нерѣдко лично провѣрялъ, вѣрно ли была роздана его помощь.

На другой день послѣ наводненія, сдавъ дежурство по полку, я отправился на своихъ дрожкахъ съ Григоріемъ Максимовичемъ Ребиндеромъ, который жилъ у меня, осматривать городъ и особенно Васильевскій островъ и Галерную гавань. Тутъ мы насмотрѣлись на чудеса, которыя натворила вода! Около церкви въ Галерной гавани лежали три большіе корабля, вѣроятно купеческіе; одинъ корабль былъ трехмачтовый; много разрушенныхъ домовъ, въ иныхъ торчали печи, а на печахъ трупы людей, спасавшихся на нихъ отъ воды, но такъ какъ вода залила дома эти совсѣмъ съ крышами, они погибли. Зрѣлище это было такъ ужасно, что мы поспѣшили домой.

Но 10 ноября мы опять отправились осматривать слѣды наводненія и поѣхали черезъ Екатерингофъ въ деревню Емельяновку, а назадъ по Петергофской дорогѣ и Калинкинъ мостъ; вездѣ слѣды наводненія и противъ дома нашего католическаго митрополита Сестренцевича-Богуша мы увидѣли большой двухмачтовый корабль. (На Казанской тамъ, гдѣ теперь католическій костелъ).

Вездѣ разрушеніе; много фундаментовъ размыто. Строевой лѣсъ съ доковъ адмиралтейства и Кронштадта былъ занесенъ водою въ самый центръ города; другія бревна уплыли въ Сестрорѣцкѣ, и мнѣ довелось нѣсколько лѣтъ спустя видѣть боль-

шіе дома, выстроенные изъ этого лѣса—дубовый мачтовый лѣсъ, носящій на себѣ клеймо ластоваго гвардейскаго экипажа.

Я хорошо помню, что Сестрбрѣцкія власти публиковали въ газетахъ о занесенномъ лѣсѣ и вызывали владѣльцевъ явиться за нимъ; но такъ какъ это былъ лѣсъ казенный, никто не явился, и жители Сестрорѣцка воспользовались имъ безнаказанно.

На послѣднемъ парадѣ (майскій парадъ), на которомъ присутствовалъ Императоръ Александръ I, я былъ во фронтѣ, командуя 2-мъ эскадреномъ, и въ этотъ день я былъ произведенъ въ полковники.

Вскорѣ послѣ этого Государь уѣхалъ въ Таганрогъ. Передъ отъѣздомъ онъ посѣтилъ Невскій монастырь, гдѣ долго бесѣдовалъ съ митрополитомъ и прислалъ въ тотъ же день въ монастырь такое количество воску, что митрополитъ удивился и сказалъ: „это какъ будто на похороны Государь прислалъ“.

Уѣзжая изъ Петербурга въ Царское Село, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Государь приказалъ остановиться, всталъ въ коляскѣ и долго смотрѣлъ на Петербургъ, затѣмъ сѣлъ и поѣхалъ. Кучеръ его Илья сказалъ мнѣ потомъ: „онъ какъ будто прощался съ городомъ и крестился“.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ, которое онъ очень любилъ, онъ уѣхалъ. Извѣстія получались о немъ все хорошія, и Петербургъ въ зиму 1825 года веселился. Балы слѣдовали за балами, и 24 ноября въ Екатерининъ день былъ большой балъ у генерала Алексѣя Николаевича Авдулина, въ честь его жены именинницы.

На этомъ балѣ между прочимъ была Екатерина Нащекина, рожд. Олединская и Екатерина Альбрехтъ (впослѣдствіи моя жена). Я, какъ молодой полковникъ и любитель танцевъ, много танцевалъ въ этотъ вечеръ особенно съ этими двумя дамами—не чуяло мое сердце, что это послѣдній балъ, гдѣ я могъ считаться хорошимъ кавалеромъ.

Сообщила Э. О. Лишина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

